

ется, что все существующее склоняется пред волею Бога, Коим все и создано, Коим сохраняется, Коим также все управляется? Следовательно, раз властью низшей природы, служительницей и творением Бога, движется воздух с такими мощными изменениями, что гремит громом, сверкает молнией, изливается водой, сыплет снегом, мечет градом, то не подвигнется ли он властью Бога к звучанию некими словами, коль разделяет их Тот, Кто разделил и большее? Разве не так? Итак, мы уверены, что и на это, и на другое дан достаточный ответ.

V.

Полагая же не без разумных оснований как по низшим, так и по высшим явлениям, что первый человек прежде всего обратил речь к Самому Богу, мы разумеем, что он, сначала заговорив сам, затем незамедлительно продолжал говорить, будучи вдохновлен одухотворяющей Добродетелью. Ибо мы полагаем, что человеку более человечно быть услышанным, чем слушать, лишь бы его слушали и он слушал как человек. Следовательно, если Тот, Кто есть Творец, и Начало совершенства, и Любовь, исполнил Своим дуновением первого из нас всяческого совершенства, мы ясно понимаем, что благороднейшее живое существо не прежде начало слышать, чем было услышанным. Если же кто-нибудь, возражая нам, укажет, что нецелесообразно было ему говорить, так как он был пока единственным человеком, а Бог без слов постигает все наши тайны даже раньше нас, то мы с должным при суждении о вечной воле благоговением говорим, что, пусть даже Бог ведал или, вернее, предведал (а это для Бога одно и то же) помыслы говорящего вне его речи, Он позволил, однако, и ему говорить, дабы в изъяснении столь великого дарования прославился и Сам благостно одаривший. И отсюда мы можем вполне определить то место, где впервые раздалась речь; ибо если человек был одухотворен вне рая, то вне его, если же в нем, то, несомненно, в нем и было место первой речи.

VI.

Ввиду того что люди, общаясь между собою, пользуются очень многими и различными языками, из-за чего многие и при многословии не иначе понимают друг друга, как и без слов, следует нам проследить тот язык, которым, наверно, пользовался человек без матери, без ее молока, не знавший ни младенчества, ни юности. В этом, как и во многих других отношениях, для большей части сыновей Адама отечеством является некий преславный город Пьетрамала. Ибо у всякого разум бывает столь извращен, что он уверен, будто самое очаровательное место под солнцем – это место его рождения, и к тому же всякий превозносит свое собственное наречие, то есть материнскую речь, перед всеми остальными, считая, таким образом, его тем самым, на котором говорил Адам. Но мы, кому отечество – мир, как рыбам море, хотя мы еще беззубыми пили из Арно и так любим Флоренцию, что ради этой любви сносим несправедливое изгнание, – мы опираем устои нашего суждения больше на разум, чем на чувство. И хотя для нашей услады и душевного покоя нашего не существует на земле места прелестнее Флоренции, мы, перечитывая сочинения и поэтов, и других писателей, которые описывают мир и в целом, и по частям, и размышляя о различных местностях мира и о расположении их относительно обоих полюсов и экватора, определяем и твердо решаем, что есть много как областей, так и городов более замечательных и более очаровательных, чем Тоскана и Флоренция, которой суждено мне быть и сыном и гражданином, и множество племен и народов, говорящих на более сладостном и полезном языке, чем италийцы. Итак, возвращаясь к нашему замыслу, мы утверждаем, что определенная форма речи была создана Богом вместе с первой душой. Я говорю «форма» и в отношении наименований вещей словами, и в отношении строения слов, и в отношении их выговора; и эта форма применялась бы во всяком языке говорящих, если бы не распалась по вине человеческой самоуверенности, как будет показано ниже. Этой формой речи говорил Адам; этой формой речи говорили все его потомки вплоть до строения башни Вавилона, что означает башню смешения; эту форму речи унаследовали сыны Евера, называемые поэтому Евреями. После смешения она сохранилась только у них, дабы Искупитель наш, вознамерившийся из человеколюбия родиться у них, пользовался не языком смешения, но благодати. Итак, еврейский язык был тем, какой из-